

ХИТРЫЙ И ХИТАР В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматривается стереотипное представление о человеке, характеризующееся как хитрый, вербализуемое в двух славянских языках. Анализируются словарные дефиниции, контексты употребления прилагательных в двух языках, устойчивые выражения с исследуемыми единицами, результаты проведенного анкетирования русских и сербов. Отмечается значительное различие существующих стереотипных представлений, обусловленное расхождением в развитии семантики праславянского *chytъ в древнерусском и сербском языках.

Ключевые слова: стереотипное представление; языковая картина мира; лингвокультура; прилагательное; устойчивое сравнение.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении стереотипного представления о человеке, которого называют *хитрый* и *хитар* в русском и сербском языках соответственно, существующем в языковом сознании представителей русской и сербской лингвокультур.

Под *языковым сознанием*, вслед за А.А. Леонтьевым, в данной статье понимается образ мира той или иной культуры, который представляет собой «отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [1. С. 39].

В работах польского лингвиста Е. Бартминьского языковой стереотип рассматривается как часть языковой картины мира и понимается как «суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [2. С. 136]. Под *стереотипным представлением* в нашем исследовании понимается «устойчивая в национальном языковом сознании “мыслительная картинка”, соответствующая восприятию данного фрагмента картины мира представителями лингвокультурного сообщества» [3. С. 136].

В настоящее время феномен стереотипа является актуальной проблемой исследования и находится в центре внимания представителей разных наук: социологов, психологов, когнитологов, этнографов, лингвистов. Ученые акцентируют те свойства данного феномена, которые характерны для их области исследования. Соответственно, выделяются социальные, ментальные стереотипы, стереотипы общения и др. Для лингвокультурологии характерно изучение этнокультурных стереотипов. Предметом исследования становятся стереотипные представления об окружающем мире, например о географических объектах [4–7 и др.], человеке [8–12 и др.]. Анализ проводится как на материале одного языка, так и в сопоставительном аспекте, на современном и историческом языковом материале. Исследуются лексико-фразеологические средства, вербализующие то или иное стереотипное представление: метафоры, коннотации этнонимов, фразеологизмы. Основными методами, используемыми

ми в подобных работах, являются метод эксперимента (чаще ассоциативного) или контекстуальный анализ.

Новизна данного исследования заключается в предлагаемой методике, включающей несколько этапов анализа – на уровне языковой системы (анализ лексикографических источников двух языков); дискурса (анализ контекстов употребления прилагательного в художественной литературе, публицистике и записях устной речи) и непосредственно языкового сознания (посредством проведения анкетирования носителей русского и сербского языков с просьбой выполнить задания, требующие языковой рефлексии). Кроме того, впервые сопоставляется стереотипное представление о хитром человеке в двух родственных славянских языках. Критериями стереотипности представления являются: фиксация в толковых словарях национального языка соответствующей дефиниции, актуализация семантики прилагательного в дискурсе, наличие типичной сочетаемости, метафор, вербализация во фразеологических единицах (особенно показательными являются устойчивые сравнения), учитывается частотность ответов информантов.

Хитрый в языковом сознании носителей русского языка. Значение общеславянского по происхождению прилагательного *хитрый* применительно к характеристике человека толковые словари русского языка определяют следующим образом: ‘скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-л.; лукавый’ [13. С. 600]; ‘изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями’ [14. С. 1063]. Слово зафиксировано уже в древнерусских текстах XI в. Древнерусское прилагательное *хитрый* было полисемантически и означало ‘искусный; творческий; сведущий; мудрый; разумный; хитрый’ [15. С. 1430–1431].

На сайте «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ) [16] представлено около 2 000 контекстов употребления прилагательного *хитрый*, что позволяет считать материал исследования достаточным по объему, чтобы делать на его основе определенные выводы.

Представленные в материалах НКРЯ контексты функционирования лексемы показывают, что *хитрый* часто используется вместе с такой чертой интеллекта, как *умный*. Например: «Так вот, *умный и хитрый* Явлинский, уже заранее зная о методах проверки, во-первых, сдал три миллиона подписей, а во-вторых,

разместил их в папках, каждая из которых содержала всего по пятьдесят подписей» [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]; «Умный, хитрый, оборотистый Калита (это его прозвище – «мешок с деньгами»), умело обращаясь с ордынскими ханами, умножил свою личную и московскую казну» [Лариса Васильева. Озарённая // «Наука и религия». 2011]. Ср. также: «Человек не столько умный, сколько хитрый, привыкший лгать и интриговать, Шуйский боялся всего нового» [Т. Дорошенко. Преодоление «великой разрухи» русского государства. Ополчение 1611 и 1612 годов // «Наука и жизнь». 2006]; «Как все люди ограниченного ума, он сделался в эти летние месяцы необыкновенно хитер; эта хитрость подсказала ему, что надо пойти в свой прежний дом и попытаться устроиться на жительство» [Дмитрий Быков. Орфография (2002)]. Эти два прилагательных или употребляются как рядоположенные, дополняющие друг друга, или хитрость расценивается как компенсация недостатка ума.

Хитрый может означать и такую характеристику человека, как «себе на уме»: «Игорь Горкин, умный, хитрый, себе на уме паренек, мог и сподличать» [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]. Фразеологизм *себе на уме* имеет в русском языке значение ‘скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей, намерений’ [17. С. 494].

В ряде случаев актуализируется и такая характеристика интеллекта хитрого человека, как изобретательность. Часто это подчеркивается конкретизацией – *хитрый на выдумку* (на выдумку хитер), например: «Кто-то хитрый на выдумку перекинул дощатый мосток между откидными столиками, что крепились по разные стороны каждый у своего окна» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001]; «Наш народ на выдумку хитер и найдет способ обойти закон» [Дмитрий Рункевич, Светлана Субботина. Депутаты сделают «иностранными агентами» и СМИ // «Известия». 2012.07.16]. Ср. также пословицу *Голь на выдумки хитра* [18. С. 196]. См. употребление прилагательных *хитрый* и *изобретательный* в одном контексте: «Но это не значит, что у Брежнева не было сильных сторон; он был особенно искушен, даже изощрен, хитер и изобретателен в аппаратной борьбе» [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Таким образом, хитрый как свойство личности в большой степени характеризует интеллектуальные способности. Чтобы быть хитрым, нужно быть умным, изобретательным или компенсировать недостаток интеллекта изворотливостью и преднамеренным обманом в поведении. Не случайно в русском языке существует поговорка *Хитрость – второй ум*.

В русском языковом сознании существуют этнические стереотипные представления относительно того, что хитрость как свойство личности в большей степени присуща представителям таких национальностей, как еврей и украинец (хохол). Ср., например, подтверждающие эти стереотипы контексты из НКРЯ: «Главврач прокашлялся: хитрый еврей явно знал об их семейной жизни несколько больше, чем положено постороннему человеку» [Сергей Таранов. Черт за спиной (2001)]; «В Махачкале, к примеру, на

полном серьезе рассказывают, что за мэром постоянно ходит некий хитрый еврей, который учит его, как лавировать между криминалом и государством» [Дмитрий СТЕШИН, Александр КОЦ. Как была устроена империя кавказского «Кровавого Рузвельта» // «Комсомольская правда». 2013.06.10]; «Хитрый хохол навешал ему лапши о том, что по указанию сверху в объединении “Сибнефтегазпереработка” готовится решение о разведении термитов на низкоградусном тепле компрессорной» [Сергей Эйгенсон. Сельхозработы (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.06.23]; «Ещё один пример такого нового типа госслужащих – это Кашей Онищенко, грубиян, спокойно гнувший свою линию, хитрый сын украинского народа, умеющий великолепно модулировать даже свой шёпот, злой и самоуверенный, сделавший оружием России вино и минеральную воду, сметану и морепродукты» [Эдуард Лимонов. Генерал // «Известия». 2013.06.17].

Как качественное прилагательное *хитрый* сочетается с наречиями, определяющими степень – можно быть *очень хитрым* или *в меру хитрым* (что говорит о наличии в языковом сознании представления о некой негласной норме хитрости): «Случайно вознесенный на свою должность, с элементами мании величия, не лишенный, однако, способностей, умный и *очень хитрый* Воробьяненко понимал, что его настоящее и будущее целиком зависит от Жукова» [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]; «О нем ходило множество легенд... но после того, как вышла и выдержала ряд изданий написанная Сафоновым книга, перед публикой предстал заурядный господин с пышными бакенбардами, в меру честный, *в меру хитрый*, в меру образованный» [Леонид Юзефович. Костюм Арлекина (2001)].

Хитрый, по материалам НКРЯ, имеет амбивалентную оценку. Это свойство личности может оцениваться положительно, ср. в одном ряду с другими прилагательными, положительно характеризующими человека: «Над умами художников властвовал тогда Левицкий – хитрый и добродушный украинец, создавший гениальные портреты кавалеров и дам екатерининской эпохи» [К.Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)]; «Хитрый и трезвый крестьянин Диоклециан никогда не доверял горожанам» [Сергей Смирнов. Было первое лето Господне... // «Знание – сила», 2003]; «И – человек неглупый, хитрый, волевой и очень честолюбивый» [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Оценка рассматриваемого свойства личности зависит от ситуации: «Хитер и храбр / это и достоинства / и недостатки / в зависимости от ситуации» [Александр Алов и др. Бег, к/ф (1971)].

Однако в большинстве контекстов НКРЯ прилагательное *хитрый* имеет отрицательную оценку. Например, употребляется в одном ряду с прилагательными, отрицательно характеризующими человека: «Этот свидетель – повторник, наглый, хитрый тип, в карцере у нас сидел два раза, можно было предвидеть, как он ответит» [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)]; «В старшем, боссе, проявится хитрый и жадный жлоб, а в младшем чи-

татель угадает наивного романтического дурака» [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]; «Для сограждан – человек *хитрый, жестокий, беспринципный*, как, впрочем, большинство его коллег по цеху» [Галина Сидорова. Новая маска олигарха (2003) // «Совершенно секретно». 2003.02.06]. Эксплицитно однозначно отрицательная оценка прилагательного выражена в следующих контекстах: «С пяти лет я усвоила простую истину: в потасовке побеждает не сильный, а *хитрый* и изворотливый, умеющий *ударить или уцелнуть в самое незащищенное место*» [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]; «Бумаги опрокидывали все расчеты Пети и самого его выставляли по меньшей мере дурачком, потому что ничего-то он не понял и не понимал, а уж подполковнику надо срочно подыскивать другой псевдоним, не болтун он и пьяница, а *хитрый и жестокий зверюга*, который вот-вот сорвется с цепи и поведет за собою стаю хищников» [Анатолий Азольский. Глаша // «Новый мир». 2003]; «Саша присмотрелся к этим истерикам – и на митингах, и в случайных драках, когда Олег разгонял непереносимое им на дух дворовое быдло, – и понял, что парень этот *хитрый*. Даже *неприятно хитрый, словно зверина последняя*» [Захар Прилепин. Санька (2006)]. Следует отметить, что при яркой отрицательной маркированности прилагательного номинируемое свойство личности часто сравнивается с характеристикой хищного животного, зверя.

Прилагательное *хитрый* выступает в русском языке в качестве основания устойчивого сравнения *хитрый как лиса* (как лис, лисица). См. в материалах НКРЯ: «Ну я не могу / это я так просто / говорили / что он очень порядочный / нормальный человек / очень *хитрый* / как лиса / очень умный / очень умный» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение». 2003]; «Старший Чавес был не только опасный панчер, он был *хитер как лис* и коварен как змея» [Владимир Гендлин-младший. Сын мексиканской легенды выиграл в 44-й раз // «Известия». 2011.11.20]; «Самое, конечно, обидное, что певец вампиров и лисиц оказался амбивалентен, как вампир, и тем самым *хитер, как лисица*, – ему ведь даже нерукопожатность так сразу не припаяешь (ничего, припаяют еще!)» [Дмитрий Юрьев. Заложник времени // «Известия». 2013.04.05]. См. также с расширением состава устойчивого сравнения, усиливающим его интенсивность: «–Напрямую нет. Касторский *хитер как сто тысяч лис*. Он развращает душу» [Юрий Азаров. Подозреваемый (2002)].

В русском языке присутствует и метафорическая характеристика человека – *хитрый лис* (53 примера употребления в НКРЯ), *хитрая лиса* (34 примера в НКРЯ), например: «Глядишь, тогда бы Глеб переселился в отцовскую хату, но здесь уже пахнет утопией, ибо папашка – *хитрый лис*, похоже, не собирается уступать свое гнездо под солнцем» [Дарья Симонтова. Сорванная слива (2002)]; «Председатель месткома – *хитрая лиса* – оказывался милашкой, если хлопотал за её комнату, псих главреж становился талантом, если хвалил её на репетиции» [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)]. Ср. также такие харак-

теристики, как *хитрый бес, хитрый черт, хитрый дьявол*. Например: «Я же спущен на время и до света-зари – ночью не пустят, а быть в городе скоро надобно – дела, вишь, много с головой Яцыным: *хитрый бес*, и, кабы не бражник был и не столь жадный на корм, угонил бы меня в Москву в пытошную... [А.П. Чапыгин. Разин Степан (1927)]; «*Хитрый, черт*, – думал он, повесив трубку. – Не зря хозяин предупреждал, что ас из асов» [Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)]; «Душою, вот чем он брал, *хитрый дьявол!*» [М.А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2 (1959)].

Прилагательное *хитрый* может употребляться в русском языке для характеристики взгляда, выражения лица человека. В этом случае оно выступает в значении 'выражающий хитрость, лукавство' [13. С. 600]. Например: «*Взгляд*, правда, он имел мужичий – и *хитрый*, и тупой, и скрытный, и живой одновременно» [Александр Иличевский. Матисс // «Новый мир». 2007]; «Спокойная улыбка, *хитрый* раскосый *глаз*, поглядывающий на меня загадочно» [Алексей Буданов. Бангкок за один день // «Пятое измерение». 2003].

Таким образом, контекстуальный анализ позволяет заключить, что в материалах НКРЯ в целом актуализируется семантика прилагательного, представленная в толковых словарях русского языка, но дополнительно эксплицируются семы 'умный' и 'изобретательный'. Существует негласная мера хитрости, в соответствии с которой русское языковое сознание оценивает человека как более или менее хитрого. При амбивалентной оценочности прилагательного отрицательная оценка в контекстах НКРЯ превалирует. Существует устойчивое мнение о большей хитрости евреев и украинцев. Стереотипное представление о хитром вербализуется также устойчивыми сравнениями *хитрый как лиса* (как лис, лисица), а также рядом метафор: *хитрый лис, хитрая лиса, хитрый бес, хитрый черт, хитрый дьявол*.

Для верификации результатов, полученных в результате анализа материалов сайта НКРЯ, нами был проведен опрос носителей русского языка. В качестве информантов выступили 100 человек в возрасте от 20 до 75 лет, проживающих в Санкт-Петербурге. Респонденты имели высшее или не законченное высшее образование (большинство – гуманитарное). Среди опрошенных было 56 лиц женского пола и 44 – мужского. Информантам было предложено заполнить анкету, время выполнения задания было ограничено 10 минутами. Анкета включала в себя 2 вопроса:

1. Если Вы услышали, что кого-то назвали *хитрым*, это для Вас (поставьте «+» в нужной рубрике):
 - а) положительная характеристика;
 - б) отрицательная характеристика;
 - в) может быть и а) и б) в зависимости от ситуации;
 - г) нейтральная характеристика.
2. Напишите, пожалуйста, словосочетания с прилагательным *хитрый*.

Результаты оказались следующими: 89 человек ответили, что *хитрый* является положительной или отрицательной характеристикой человека в зависимости от ситуации; 10 человек отметили, что *хитрый* – это отрицательная характеристика; один человек определил прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности.

Что касается словосочетаний, то лидирующими оказались атрибутивные словосочетания с наименованиями лиц: *хитрый человек* (самое частотное, 53 реакции), *хитрый мальчик* (10), *хитрая женщина* (10), *хитрая девушка* (5), *хитрая девочка* (5), *хитрый мужчина* (5), *хитрый мужик* (2), *хитрая баба* (2), *хитрый ребенок* (2), *хитрый малыш*, *хитрый малый*, *хитрый проказник*, *хитрый тип*, *хитрый политик*, *хитрый студент* (по 1 реакции).

Из сочетаний с этнонимами встретились только *хитрый еврей* (15) и *хитрый хохол* (16).

Следует также отметить экспрессивные оценочные высказывания: *Ну и хитер же ты!* (4); *Ну ты и хитрый!* (3); *Больно хитрый* (3) и *Хитрая зараза!* (2).

Частотны в ответах информантов и устойчивые сравнения *хитрый как лиса* и *хитрый как лис* (21 и 15 реакций соответственно). В анкетах встретилось также сравнение *хитрый как сто китайцев* (7 реакций). *Хитрый лис* и *хитрая лиса* встретились 40 и 20 раз соответственно. Информанты привели также такие характеристики, как *хитрый дьявол* (8), *хитрый черт* (7) и *хитрый бес* (5).

Из устойчивых выражений необходимо отметить *хитёр бобёр* (4), *дурное дело не хитрое* (4), *Хитрый Митрий* (3), *хитрее хитрого* (3).

Из словосочетаний, вербализующих значение 'выражающий хитрость', самым частотным является *хитрый взгляд* (56), на втором месте – *хитрая улыбка* (35), затем по мере убывания частотности следуют *хитрое лицо* (20), *хитрый вид* (15), *хитрое выражение лица* (7), *хитрый прищур* (3), *хитрая усмешка* (2), *хитрая ухмылка* (2), *хитрые глаза (глазки)* (2).

Гендерных и возрастных различий в ответах информантов нами отмечено не было.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в отличие от материалов сайта НКРЯ отрицательная оценка прилагательного не является доминирующей. Носители языка считают ее ситуативной. Хитрым, по данным полученной сочетаемости, может быть человек любого пола, чаще взрослый. Информанты выделяют евреев и украинцев как национальности, в большей степени отличающиеся хитростью, других этнонимов, сочетающихся с прилагательным *хитрый*, приведено не было. Устойчивые сравнения и метафоры, зафиксированные в анкетах респондентов, совпали с данными контекстуального анализа. Анкетированные привели также фразеологизмы, свидетельствующие о стереотипизации исследуемого представления. Что касается использования прилагательного для характеристики внешнего облика человека, то лидирующим оказалось словосочетание *хитрый взгляд*, но информанты привели более широкую сочетаемость прилагательного с существительными, чем в материалах НКРЯ, – *улыбка, лицо, прищур, усмешка*.

Таким образом, стереотипное представление о хитром человеке в русском языковом сознании выглядит следующим образом: это наделенный интеллектом человек, умеющий оценить актуальную ситуацию и действовать в соответствии с ней, преследуя свою личную выгоду. Часто такой человек отличается изобретательностью. Хитрым может быть лицо любого пола, чаще взрослый человек. Прилагательное

обычно выступает в роли предиката. Амбивалентно с точки зрения оценочности. Отрицательная или положительная оценка этого свойства личности зависит от ситуации употребления номинирующего его прилагательного. Эталонами хитрости в русской языковой картине мира являются лиса, бес (дьявол, черт), поэтому существуют сравнения и метафоры с этими единицами. Этническими стереотипами русских являются представления о большей хитрости таких национальностей, как еврей и украинец (хохол).

Хитар в языковом сознании носителей сербского языка. Прилагательное *хитар* толковые словари сербского языка определяют следующим образом (здесь и далее перевод наш. – Авт.): 1. «1) быстрый; 2) ловкий, сообразительный» [19. С. 732]. 2. «1) быстрый, быстро передвигающийся; 2) оборотистый» [20. С. 866]; 3. «1) а. Быстро передвигающийся, проворный, оборотистый, ловкий; б. Делающийся быстро. ~ шаг, ~ движение; 2) сообразительный; фраз. *хитра ума*» [21. С. 1466]. В словаре синонимов приведены два значения: 1) «быстрый» [22. С. 70]; 2) «умный» [Там же. С. 237].

Для данного исследования мы проанализировали 436 контекстов употребления прилагательного *хитар*. Примеры отбирались из текстов художественной литературы и публицистики, на сайте «Национальный корпус сербского языка» (далее – НКСЯ) [23].

Рассмотренные контексты функционирования прилагательного *хитар* в сербском языке показывают, что чаще всего оно используется для характеристики человека в значении 'быстрый, быстро, легко и ловко передвигающийся'. Например: «*Хитра* младеж поскочи од совре и поче упрезати и зауздати добре коње» [J. Веселиновић, Хајдук Станко]; «То је некад био *hitar* човек, pokretljivih i živih očiju, a sada je vukao noge i bio je upalih obraza» [D. Kiš, Grobnica za Borisa Davidovića]; «Ти си била жива, брза, *хитра*, а твоја мати повучена, сува, увек се склањала и била у бризи» [Б. Станковић, Из старог јеванђеља и стари дани]; «Јанко је био вјештији и *хитрији*, али у онога бјеху штоно ријеч гвоздене очи» [С. Матавуљ, Ускок Јанко].

Во всех представленных контекстах, как видим, *скорост* и *быстрота* оцениваются положительно, хотя в сербской лингвокультуре эти качества не всегда имеют исключительно положительную оценку. Ср. пословицы: *хитар одвише срећу прескаче, хитња је вражеји посао, што је брзо, то је и кусо*.

Прилагательное *хитар* в значении 'быстрый, ловкий' используется весьма часто в современном спортивном дискурсе для положительной характеристики спортсмена (преимущественно футболиста). Например: «Био је веома продоран и *хитар* играч. Посебно расположен био је у мечевима са највећим ривалима Хајдуком, Динамом и Партизаном» [Моја Срвена Zvezda. 2000]; «Бабовић је пун идеја, брзо мисли, хитар је, продоран» [Политика. 21.07.2006]; «У кључним тренуцима Бранислав Ивановић и Душко Тошић нису били у стању да изађу на крај са *хитрим* шведским нападачима» [Политика. 20.08.2000]; «Веома расположени за игру су били *хитри* фудбалер Манчестер ситија, Сун Ђихаи по десној, и Сун Шијанг по левој страни» [Политика. 14.11.2005]. В спортивном

дискурсе встретился и рифмованный сравнительный оборот с именем собственным футбольного нападающего. Например: «Ја сам *хитар* ко Мркела Митар, Лепа слика кад бране Беара и Дика» [из гимна болельщиков «Црвеној Звезди». Новости, 2000].

Прилагательное *хитар* употребляется в значении ‘оборотистый, ловкий, сноровистый’ при оценке качества профессиональной деятельности, работы, ремесла. Ниже представлены контексты, где *хитар* используется для положительной характеристики котельщика, ткачихи, официанта: «Казаницја је морао да буде веома *хитар* јер је његова делатност везана с ватром» [Stari zanati. 105]; «И преља треба да буде *хитра*, да увија нит, преде брзо као што је брза змија» [Гласник етнографског музеја у Београду, Књ. 22–23. 1960]; «Иза келнераја стоји обично келнерче или „ћелер“ <...> *Хитар* је, услужан, очи му играју као на зејтину» [С. Сремац, Лумунација на селу].

Большинство проанализированных контекстов функционирования прилагательного *хитар* в сербском языке, показывают, что это прилагательное входит в компонентный состав сравнительных оборотов, имеющих значение ‘быстрый, проворный, прыткий, ловкий’. Среди эталонов сравнения употребляются зоонимы. Наиболее частотным является зооним *зец* (заяц). Например: «Скочио је из цегера и, *хитар као зец*, дао се у трк преко поља» [Крстарица. 2016]. Следует отметить, что устойчивое сравнение *хитар као зец* в значении ‘очень быстрый’ фиксируется фразеологическими словарями сербского (сербохорватского) языка только с прилагательным-синонимом *брз*: *брз као зец* [24. С. 82]; *брз као зец* [25. С. 782]. Отметим, что в сербской лингвокультуре зайцу преимущественно приписываются такие качества, как скорость и трусость, что отразилось во фразеологии: *брз као зец*, *јурити као зец* и *страшљив (плашљив) као зец*. Согласно старинному сербскому заговору ангелы просят у Бога даровать больному «скорость как у зайца, ловкость как у выдры, здоровье как у собаки» [26. С. 14]. Гораздо реже в сербской лингвокультуре зайцу приписываются такие качества, как ум, *хитрость*, *опыт*. Ср.: ФЕ *стари зец* – ‘искушенный, опытный человек, которого трудно обмануть, провести’ [27. С. 37].

Следующим по частотности эталоном сравнения является *јелен (кошута)*. Например: «Младић пун лепоте и вредности ине Радомир именован, од давне старине, здрав и *хитар као јелен у гори*» [Даница Илирска, Људевит Гај. 1838]; «Власи су *хитри као кошуте* и силазе са брда да пљачкају и пустоше...» [Матица српска. 2002]. Образ оленя как быстрого животного отражен и в популярной песне Дж. Балашевича, где говорится о юных годах двух товарищей: «И сећамо се дана кад смо још били дивљи, *к’о јелени хитри*» [Ђ. Балашевић. Мој друг из детињства].

В качестве эталона сравнения выступают и наименования других животных, например *выдры*: «То је петао из најсиромашније куће, мршав, а *хитар и окретан, к’о видра*» [Светолик Ранковић, Приповетке]; «И без мреже вешти и *као видре хитри* риболовци голим рукама хватају сребрне карасе, вретенасте штукe и мрке сомчиће који се крију у речици»

[Политика. 20.08.2000]; «А морнари *хитри као видра*, међу звезда побацили сидра» [Т. Чолак, Лелечу звона дечанска].

Встречаются и необычные для сербской языковой картины мира эталоны сравнения. Так, к примеру, в современной юмористической пародии, написанной в духе эпической песни десятисложным стихом, ретивость и прыть известного сербского героя Королевича Марко сравнивается с *пумой*: «Ту стадоше Јапанци да скачу, Двој’ца к ножу, трој’ца к верном мачу, Ал’ су, љути, сметнули са ума Да је Марко *хитар као пума*» [Краљевић Марко и самураји. 02.09.2016].

Среди эталонов сравнения встречаются и наименования двух птиц – *воробья* и *ласточки*. Сравнительный оборот *хитар као ластавица* встречаем еще в сербском эпосе, в известной колыбельной песне «Мајка Јову у ружи родила», в которой говорится о пожелании матери, чтобы ее младенец, когда вырастет, был «румяный как роза, белый как белая вила (сербская горная русалка), трудолюбивый как пчелка, быстрый и ловкий как ласточка»:

«Нек’ је румен к’о ружа румена,
Нек’ је бео као бела вила,
Нек’ је радан к’о пчела малена,
Нек’ је *хитар као ластавица!*» [Мајка Јову у ружи родила. 2000].

В известном стихотворении Й.Й. Змайа также обыгрывается этот образ. Нахваливая скорость своего коня при продаже, хитрый цыганский торговец сравнивает его с ласточкой: «Гледаш је ли мога коња, господару стари, Не знаш је л’ коњ ил’ птица ластавица...» [Ј.Ј. Змај, Циганин хвали свога коња].

Сравнительный оборот *хитар (брз, лак) као врабац*, также не фиксируется словарями как устойчивое сравнение. Это выражение относится к старинной сербской рождественской традиции. Согласно записям В.С. Караджича, у сербов существовал обычай на Рождество с утра разговляться мясом дичи – зайца или воробья. Мясо воробья заготавливали еще во время поста, сушили, а затем ели, чтобы быть «*хитри као врабац*». Этот обычай был распространен в различных южных областях, населенных сербами. Часто воробья запекали внутри рождественского поросенка (*божјића печеница*) и утром на Рождество ели, считая, что в течение всего года будут «легкими и выносливыми, как воробьи» [28. С. 255]. Например: «И брзо ми износи делове од осушеног врапца да од њега прво окусим, како бих целе године био *лак, као што је врабац*» [Ђ. Станковић, Наш Божић]; «Са претходно на мразу сушеным, а затим печеним *врапцима* почиње такозвани мрс после Божићног поста, а верује се да ће они који их једу бити *лаки и хитри као они*» [Telegraf. 2015].

Сербская мифология отразилась в сравнительных оборотах *хитар као вила* и *хитар као змај*. Здесь эталонами сравнения выступают мифологические существа из народных сказок и эпических песен, награжденные способностью быстро двигаться, летать. Например: «Њом се диже до облака, Човек *као хитра вила!*» [Нови сербски летопис за 1841, ч. 2, год. 15, књ. 55]; «Градишанци *хитри као виле* лете напред за Сремцима, и никоме пардона не даду, што

сустигну, на земљу оборе» [Српски летопис, Матица српска. Т. 13]; «Раденице мио, увек си ми био, и на послу и у колу *хитар као змај!*» [Крстарица. 2016].

В компонентный состав ряда сравнительных конструкций с прилагательным *хитар* входят имена существительные, обозначающие природные явления, такие как *молния, ветер, вихрь*. Например: «Вредан, *хитар као муња*. Свуд се нађе да помогне, свуд стигне и све му иде од руке» [С. Божовић, Теби, моја Долорес]; «Осети како од ње бива све прозирнији, све тањи, *као ветар лак и хитар*» [Г. Олујић, Седефна ружа и друге бајке]; Бекство му никако не би успело да га није сачекао Зечко, који као да је тачно знао где и кад да га чека, а онда га понео, *хитар као вихор* [Крстарица. 2015].

Частотными являются устойчивые сравнения с компонентом *стрела* (чаще с прилагательным *брз*): «Ја сам зека Пера, *брз сам као стрела*, моје ноге баш су брзе и зато ме многи мрзе» [Л. Тасић, Корњача и зец]. Также среди эталонов сравнения встретились *пуля* и *юла*. Например: «Сад ми нуде рјечник бабајагиних рјечи. Сличне су формулицама, али тренутне и *хитре као метак*» [А. Брндарић, Зимски сан]; «*Хитар као чигра*, увјек спреман да се послужи гегом из цртаног филма или стрипа...» [Enciklopedija, stripovi].

Прилагательное *хитар*, как уже было отмечено, характеризует и интеллектуальные способности человека: ум, ловкость, изобретательность, сообразительность. Употребленное в этом значении, оно подчеркивает способность кого-либо быстро думать и реагировать, принимать мудрые, оригинальные решения. Например: «У највећем делу песме Милош Војиновић је приказан као човек из народа, чобанин. Он је *хитар*, лукав, домишљат, неустрашиво безбрижан и помало шерет, као и познати омиљени ликови из народних приповедака» [Artnit. 2015].

В стереотипное представление сербов о *хитром* человеке входит и такая черта, как немногословность, умение прислушаться к другим, мудрость (ср. пословицу *хитар воли шта чути, а тих говорити*). Приведем пример, где в прилагательном *хитар* сема 'мудрый' выступает на первый план. Известная евангельская цитата «Будьте мудры как змеи и кротки как голуби» (Мт. 10, 16) в переводе В.С. Караджича и в синодальном переводе Библии передана следующим образом: «Будите мудры као змије и безазлени као голубови». Однако встречаются и такие свободные цитирования: «Ево, шаљем вас као овце усред вукова. И будите *хитри као змије* и безазлени као голубови»; «Будите *лукави као змије* и добри као голубови» [Svetosavlje. 2016].

Чаще всего семы 'ум', 'мудрость' актуализируются с помощью ФЕ *хитра (хитрог) ума, хитре памети*. Например: «Била три брата... најмлађи је био необичан, не само зато што му је лево раме било ниже од десног, па га вршњаци прозваше Грбом, већ и због *хитре памети* и силне радозналости» [Грбо и краљ Ђавольски, Српска народна бајка]; «А ја виђу да си ти *хитре памети*, и да умијеш добро и мудро зборити, би ли, дакле, пошао са мнош к томе краљу, еда би ми како ђевојку испросио?» [Краљ и чобанин, Српска народна бајка]; «Rusija na svom čelu konačno ima

državnika koji je okupiran isključivo rešavanjem realnih problema. Čoveka *hitrog uma* i velike pronicljivosti, krajnje uravnoteženog i obazrivog» [Вести. 2016.17.11]; «Они не крију да су, углавном, импресионирани Милошевићевим реторичким умећем, *хитрим умом* и логичким закључивањем <...>» [NIN. 2002.28.02].

Проанализированные примеры из сербской художественной литературы и публицистики, а также из материалов сайта НКСЯ были сопоставлены с данными проведенного нами анкетирования. Опрос проводился среди 100 носителей сербского языка в возрасте от 20 до 75 лет (54 женщины и 46 мужчин), проживающих в Белграде, Новом Саде, Косовской Митровице, Баня Луке, Никшиче. Информанты имели высшее (48 человек) или незаконченное высшее гуманитарное образование (52 человека). Вопросы и условия заполнения анкеты были такими же, как у российских респондентов.

Были получены следующие результаты: 72 информанта ответили, что *хитар* – это положительная характеристика человека; 20 человек отметили, что *хитар* может быть положительной или отрицательной характеристикой, в зависимости от ситуации; семь человек определили прилагательное как нейтральное с точки зрения оценочности; один человек на предложенный вопрос не дал никакого ответа.

Лидирующими словосочетаниями среди ответов информантов оказались сравнительные конструкции (некоторые из них являются УС):

1) с наименованиями животных: *хитар као зец* (самое частотное, 35 реакций), *хитар као јелен* (12), *хитар као ласица* (2), *хитар као срна* (2), *хитар као ластавица* (1), *хитар као видра* (1); Только в женском роде встретились *хитра као мачка* (1), *хитра као веверица* (1);

2) с наименованиями мифологических существ (из сербского эпоса) *хитар као вила* (5), *хитар као змај* (1);

3) с наименованиями природных явлений: *хитар као муња* (7), *хитар као ветар* (4), *хитар као вихор* (1), *хитар као комета* (1);

4) с наименованиями оружия / боеприпасов: *хитар као стрела* (5), *хитар као ракета* (1), *хитар као метак* (1);

5) с именами собственными (сербских спортсменов): *хитар као Мркела Митар* (4), *хитар као Ноле* (1) (*Митар Мркела – фудболист и тренер «Црвеной Звезды»; Ноле – Новак Джокович, первая ракетка мира в большом теннисе*).

Среди словосочетаний, вербализующих значение 'быстрый', самыми частотными являются *хитре ноге* (11 реакций), *хитар корак* (5), *хитре руке* (4), *хитар бег* (3), *хитар скок* (3), *хитар покрет* (2), *хитра миса* (2), *хитра реч* (1).

Также частотны атрибутивные словосочетания с наименованиями лиц: *хитар момак* (13 реакций), *хитар јунак* (5), *хитар ловац* (4), *хитра жена* (2), *хитра цура* (2), *хитар хајдук* (2), *хитар ђувезија* (2). Единичными являются следующие ответы: *хитар војник, хитар коњаник, хитар возач*.

Прилагательное *хитар* может употребляться в сербском языке для характеристики взгляда, выражения лица человека: *хитар поглед*. В этом случае оно, в

отличие от русского *хитрый взгляд*, выступает в значении 'быстрый взгляд'.

Таким образом, *хитар човек* в сербском языковом сознании выглядит двояко. Во-первых, это человек, который способен быстро и ловко совершать какие-нибудь движения или действия (ходить, бегать, заниматься спортом или каким-нибудь делом или ремеслом). В подавляющем большинстве проанализированных случаев прилагательное *хитар* в этом значении входит в компонентный состав устойчивых сравнений (или сравнительных конструкций, образованных по их модели *хитар* + союз *как* + эталон сравнения). Эталоны сравнения в сербской языковой картине мира выступают зоонимы, явления природы, мифологические существа, быстродвижущиеся предметы или игрушки, имена собственные и оружие / боеприпасы. Из них лишь три фразеологические единицы (с прилагательным *брз*) фиксируются сербскими лексикографическими источниками как устойчивые: *брз као зец, као стрела, као муња*. Употребленное в данном значении прилагательное *хитар* преимущественно дает положительную оценку личности.

Во втором значении ('человек, наделенный умственными способностями, изворотливостью и проворством') прилагательное *хитар* в сербском языке

употребляется реже. При этом в данном значении в языке активно используются фразеологизмы: *хитра (хитрог) ума, хитре памети*. Чаще всего это положительная оценка данного свойства личности, но в зависимости от ситуации употребления оценочность может быть и отрицательная.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что стереотипное представление о человеке, называемом хитрым, в двух родственных языках сходно лишь отчасти. И в русском, и в сербском языковом сознании присутствует высокая оценка интеллектуальных способностей такого человека. Но в сербской лингвокультуре прилагательное *хитар*, прежде всего, вербализует стереотипное представление о быстром и ловком человеке, а не скрывающем свои намерения, действующем не прямым путем, как в русском.

Представляется, что выявленные различия в двух лингвокультурах обусловлены историческим расхождением в развитии семантики праславянского **chytŕь* в древнерусском и сербском языках. В сербском языке *хитар*, в отличие от русского языка, в значительной степени сохраняет первичное значение 'быстрый, ловкий (в действии)' и в меньшей степени вторичное – 'сообразительный, хитрый'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
2. Баргминский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 512 с.
3. Зиновьева Е.И., Абыяка О.В. Стереотипные представления о мерзущем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // III Международная филологическая конференция. Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2014. С. 135–143.
4. Гудков В.П. Стереотип России и русских в сербской литературе // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. С. 20–24.
5. Коптякова Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1 (24). С. 129–132.
6. Васильева Г.М., Зарунский С.Э. Ассоциативно-вербальное поле «Англия» в современном русском языке (по данным русского ассоциативного словаря) // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Статьи и материалы Пятой Международной научной конференции. СПб.: Государственная полярная академия, факультет филологии, 2013. С. 99–101.
7. Васильева Г.М. Динамика представлений о географическом пространстве Европы (по данным ассоциативно-вербальной сети) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». 2014. С. 21–24.
8. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–116.
9. Щеголева Ю.А. Стереотип положительного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании // Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. М.: Гнозис, 2006. С. 179–262.
10. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры. Тула, 2013. 92 с.
11. Зиновьева Е.И. Лексико-фразеологические средства, вербализующие стереотипные представления о безумии, в обиходном языке Московской Руси // Язык в слове, фразеологизме, тексте. Орёл: ОГУ, 2015. С. 35–41.
12. Зиновьева Е.И., Абыяка О.В. Человек, испытывающий чувство холода, в русской языковой картине мира (на фоне китайского и японского языков) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 6. С. 236–241.
13. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 4.
14. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография императорской академии наук, 1903. Т. III. 1969 с.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 26.04.2017).
17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
18. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
19. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1967–1976. Т. 6.
20. Московљевић М.С. Речник савременог српскохрватског књижевног језика са језичким саветником. Београд: KIZ Apolon, 1990. 1034 с.
21. Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2007. 1564 с.
22. Ђосиф П. Речник синонима. Београд: Корнет, 2008. 704 с.
23. Национальный корпус сербского языка. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs> (дата обращения: 15.04.2017).
24. Оташевић Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Нови Сад: Прометей, 2012. 1045 с.
25. Matešić J. Frazеološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: IRO Školska knjiga, 1970. 808 с.
26. Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.
27. Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток / Запад, 2005. 229 с.
28. Словенска митологија: Енциклопедијски речник. Београд: Zepet book world, 2001. 393 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июля 2017 г.

“KHITRYY” AND “KHITAR” IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS OF COGNATE LANGUAGES (ON THE RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGE MATERIAL)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 25–33.

DOI: 10.17223/15617793/423/4

Elena I. Zinovieva, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

Dragana Drakulić-Priima, Russian Academy of Sciences Library (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dpdragana@rambler.ru

Keywords: stereotype; language world picture; linguistic culture; adjective; stable comparison.

The article analyzes semantics, peculiarities of functioning and axiological assessment of the Russian adjective *‘khitryy’* and the Serbian one *‘khitara’* in order to identify the stereotypical idea of a person described by these adjectives in two Slavic linguistic cultures. Material for the study consists of Russian and Serbian explanatory dictionaries, contexts with these adjectives from the Russian National Corpus and the Serbian National Corpus, survey of Russian and Serbian native speakers. The analysis revealed that the stereotype about a cunning person in the Russian language consciousness is as follows: this is a person who hides their true intentions, does not act the right way. It is often a person with high mental abilities, or by nature able to compensate for their lack due to the ingenuity, ability to assess a current situation and to act in accordance with it, pursuing their own personal benefit. The adjective is ambivalent in terms of evaluation. Standards of the cunning in the Russian language world picture are a fox, a demon (devil, imp), so there are comparisons and metaphors with these units. In the Russian language consciousness there are stable stereotypes regarding trickery of representatives of certain nationalities. The adjective *khitryy* [cunning] can be used in the Russian language to characterize a glance, a human facial expression. In this case, it has the meaning of ‘expressing cunningness and craftiness’. *Khitara chovek* in the Serbian language consciousness appears in two ways. In the first meaning it is a person who is capable to quickly and deftly perform any movement or action. The adjective *khitara* in this sense is a part of stable comparisons. Comparison standards in the Serbian language world picture are zoonyms, natural phenomena, mythological creatures, fast-moving objects or toys, proper names and weapons / ammunition. The adjective *khitara* used in this meaning mainly assesses a personality positively. In the second meaning (‘people with mental capacity, resourcefulness and agility’) the Serbian adjective *khitara* is used less frequently. Herewith the following idioms with this meaning are actively used: *khitara (khitrog) uma, khitre pamyati*. Mostly it is a positive assessment of personality traits. The adjective *khitara* can be used in the Serbian language to characterize a glance, a human facial expression: *khitara pogled*. In this case, in contrast to the Russian *khitryy vzglyad*, it acts within the meaning ‘quick look’. As a result of the study it can be concluded that the stereotypical view of a cunning person in two kindred languages is similar only in part. In the Russian linguistic consciousness like in the Serbian one there is a high score of intellectual abilities of such a person. The image of a person who hides their true intentions and does not act directly comes to the fore in the Russian language culture. The differences between the stereotypical views are caused by the historical disparities in the development of the semantics of proto-Slavic *chytъrъ in ancient Russian and Serbian languages.

REFERENCES

1. Leont'ev, A.A. (1999) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Smysl.
2. Bartmin'skiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Language image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
3. Zinov'eva, E.I. & Abyyakaya, O.V. (2014) [Stereotypical ideas about a freezing person in the Russian language picture of the world (against the background of the Chinese language)]. LII International Philology Conference. Saint Petersburg. 11–16 March 2013. St. Petersburg: Philology Faculty of St. Petersburg State University. pp. 135–143. (In Russian).
4. Gudkov, V.P. (2001) Stereotip Rossii i russkikh v serbskoy literature [The stereotype of Russia and the Russians in Serbian literature]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. pp. 20–24.
5. Koptyakova, E.E. (2008) Germaniya v natsional'nykh stereotipakh russkikh i amerikantsev [Germany in national stereotypes of Russians and Americans]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (24). pp. 129–132.
6. Vasil'eva, G.M. & Zaruskiy, S.E. (2013) [Associative verbal field “England” in the modern Russian language (according to the Russian associative dictionary)]. *Aktual'nye voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Topical issues of philology and methods of teaching foreign languages]. Proceedings of the V international conference. St. Petersburg: State Polar Academy, Faculty of Philology. pp. 99–101. (In Russian).
7. Vasil'eva, G.M. (2014) [Dynamics of representations about the geographical space of Europe (according to the associative-verbal network)]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia]. Proceedings of the IV Congress of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature (ROPRYaL). St. Petersburg: ROPRYaL. pp. 21–24. (In Russian).
8. Kobozeva, I.M. (1995) Nemets, anglichanin, frantsuz i russkiy: vyyavlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsiy etnonimov [The German, the Englishman, the Frenchman and the Russian: the identification of stereotypes of national characters through the analysis of the connotations of ethnonyms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 3. pp. 102–116.
9. Shchegoleva, Yu.A. (2006) Stereotip polozhitel'nogo geroya v traditsionnoy kul'ture i sovremennom massovom soznanii [The stereotype of a positive hero in traditional culture and modern mass consciousness]. In: Krasnykh, V.V. (ed.) *Russkie i “russkost”*. *Lingvo-kul'turologicheskie etyudy* [Russian and “Russianness”. Linguistic and cultural studies]. Moscow: Gnozis.
10. Tokarev, G.V. (2013) *Chelovek: stereotipy russkoy lingvokul'tury* [Man: stereotypes of Russian linguoculture]. Tula.
11. Zinov'eva, E.I. (2015) Leksiko-frazeologicheskie sredstva, verbalizuyushchie stereotipnye predstavleniya o bezumii, v obikhodnom yazyke Moskovskoy Rusi [Lexical-phraseological means, verbalizing stereotyped ideas of insanity, in the everyday language of Moscow Rus]. In: Vasil'eva, O.V. et al (eds) *Yazyk v slove, frazeologizme, tekste* [Language in word, phraseology, text]. Orel: Orel State University.
12. Zinov'eva, E.I. & Abyyakaya, O.V. (2015) [A person experiencing a feeling of cold in the Russian language picture of the world (against the backdrop of Chinese and Japanese)]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYaL). Granada, Spain. 13–20 September 2015. Vol. 6. St. Petersburg: MAPRYaL. pp. 236–241. (In Russian).
13. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz.
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vkhlyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik.

15. Sreznevskiy, I.I. (1903) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoy akademii nauk.
16. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 26.04.2017). (In Russian).
17. Molotkova, A.I. (ed.) (1987) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz.
18. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh posloviits* [A big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.
19. Matitsa srpska & Matitsa khrvatska. (1967–1976) *Rechnik srpskokhrvatskoga kn̄bizhevnog jezika* [Dictionary of Serbo-Croatian literary language]. Vol. 6. Novi Sad: Matitsa srpska; Zagreb: Matitsa khrvatska.
20. Moskovljević, M.S. (1990) *Rechnik savremenog srpskokhrvatskog kn̄bizhevnog jezika sa jezichkim savetnikom* [A Dictionary of Contemporary Serbo-Croatian Literary Language with a Language Advisor]. Beograd: KIZ Apolon.
21. Matitsa srpska (2007) *Rechnik srpskoga jezika* [Dictionary of the Serbian language]. Novi Sad: Matitsa srpska.
22. Došić, P. (2008) *Rechnik sinonima* [Dictionary of synonyms]. Beograd: Kornet.
23. Serbian National Corpus. [Online] Available from: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs>. (Accessed: 15.04.2017).
24. Otašević, Đ. (2012) *Frazeološki rechnik srpskog jezika* [Phraseological Dictionary of the Serbian Language]. Novi Sad: Prometej.
25. Matešić, J. (1970) *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Phraseological Dictionary of Croatian or Serbian Language]. Zagreb: IRO Školska knjiga.
26. Kulišić, Š., Petrović, P.Ž. & Pantelić, N. (1970) *Srpski mitološki rechnik* [Serbian mythological dictionary]. Beograd: Nolit.
27. Trofimkina, O.I. (2005) *Serbokhorvatsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Serbo-Croatian-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Vostok / Zapad.
28. Zepter book world. (2001) *Slovenska mitologija: Entsiklopedijski rechnik* [Slovene Mythology: Encyclopedic Dictionary]. Beograd: Zepter book world.

Received: 09 July 2017